

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 5

1983

Ирина ПАНОВА

БЕСПОКОЙНОЕ СЧАСТЬЕ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 5

Ирина ПАНОВА

**БЕСПОКОЙНОЕ
СЧАСТЬЕ**

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1983

Ирина ПАНОВА

Ирина Юльевна Панова родилась в городе Уфе. В 1964 году окончила Московский институт нефтехимической и газовой промышленности имени И. М. Губкина.

Первая книга ее стихов «Дорог у песни много» вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 1979 году. Стихи Ирины Пановой публиковались в журналах «Огонек», «Знамя», «Октябрь», «Москва», «Смена», «Юность», в альманахах «Поэзия», «Истоки», «День поэзии», в газетах «Литературная Россия», «Советская культура», «Литературная газета».

* * *

Весна сквозь тучи ломится,
кончается зима.
Такое вдруг припомнится,
что удивлюсь сама.

Тропа темнеет лыжная.
Забыв про холода,
несется по булыжникам
веселая вода.

Приходится мне жмуриться
от солнечных лучей.
Бежит, спешит по улице
проснувшийся ручей.

Тетрадь худеет чистая,
и снова за мечтой
куда-то к дальней пристани
корабль идет пустой.

Чтоб все надежды смутные
стать ясными смогли,
над ним ветра попутные
вновь песню завели.

Найти ответы важные
бывает нелегко.
Кораблики бумажные
уплыли далеко.

* * *

Неспетые песни
живут в поднебесье,
плывут облаками,
играют дождем.

За руку не схватишь.
Пройдут — не заметишь.
Бывает, напрасно
годами их ждем.
Неспетые песни звенящего леса —
мы слышим их шепот, а спеть не дано.
Я чувствую свет их,
но выразить... Где там...
Как будто немое
смотрела кино.

* * *

Слова, слова... Которое главнее?
(Но в жизни есть для каждого свой срок:
с одними вмиг становишься сильнее,
другие б не пустила на порог.)
Но все же я искала в зной и в стужу
и падала, по наледи скользя,
потом нашла простое слово «нужно».
С ним трудно жить, а без него нельзя.
Оно всегда и ко всему причастно.
Мне нужно, чтоб работа — на столе,
я знать хочу в заботах ежечасных,
что я нужна кому-то на земле.

* * *

Когда осуществляется мечта,
трудом взломав преграды и сомненья,
легко, признав, что взята высота,
переболеть желаньем восхожденья.

Дорога вверх, конечно, нелегка.
Но правдою обрадуешь едва ли —
ведь высота не так уж высока,
к тому ж ее стократно покоряли.

Я не скажу ни слова о мечте.
Ей не узнать спокойствия дремоты,
она не растворится в суете,
коль рядом есть невзятые высоты.

Кого-то за собою позовет,
найдет себе товарищей на свете.
Еще казался чудом самолет,
когда Кибальчич думал о ракете.

* * *

Есть выходной от дела и безделья,
на смену тьме всегда идет заря,
и кружевные выдумки веселья
опять сменяет будничным наряд.
А мысли те же... Каждый мог приметить,
что смена их нужнее, чем покой.
Но ни в одном календаре на свете
нет выходного от себя самой.

* * *

Быстро тропинка сползает
в овраги
и умывается в звонких ручьях,
ловко обходит большие коряги,
но спотыкается на мелочах.
Путников ждут узловатые корни
под прошлогодней пожухлой
листвой,
вот и смотрю я под ноги
покорно,
а не на облако над головой.
Вывела тропка к широкой
дороге,
гладок годами проверенный
путь —
можно идти и не глядя под
ноги,
можно спокойно на небо
взглянуть.
Все б хорошо, но исчезла
тропинка.
Странное что-то случилось со
мной:
вмиг позабыв про ушибы,
заминки,
я загрустила о тропке лесной.

* * *

Звезды — вечный огонь
тем, кто жил на земле,
а в мечтах забывал о ней,

об обычных делах,
о покое, тепле,
видя ночью ковер огней.
Звездный свет.
Он куда-то манил всегда,
предкам нашим он правил путь.
И мечтал мореход,
хоть кругом вода,
выплыть к звездам когда-нибудь.
Что такое звезда?
Это предка глаз?
Плыли сказки из века в век.
Иль светильник богов?
Иль большой алмаз?
Время шло, и вырослел человек.
В мире ценность нередко рождала зло.
Воевали историй дни.
Это страшно!
Ну, что ж, что пока везло —
были дальше звезды огни.
Век ракетный летит,
и яснее в нем
звезд далеких закон и путь.
А они нам мигают:
— Игра с огнем!
Ты, Земля, осторожней будь!

* * *

Один человек научился летать.
И было ему удивительно просто,
ну, скажем,
рукою до тучи достать,
хоть был он не очень высокого роста.
Он сам не гадал,
отчего, почему,
летал — вот и все.
Но гадали другие,
за что от рожденья достались ему
высокого неба поля голубые.
А он улыбался:
«Я вас научу.
Хотите летать? Я открою секреты.

Вы только поймите,
что я не шучу,
поверьте в себя —
и сумеете это».
Но люди смотрели,
как быстро с земли
он вверх поднимался свободно и смело,
да только поверить в себя не могли.
Выходит, и это — нелегкое дело!..

* * *

Писали о жизни. Мечтали о счастье.
В тетрадах росли и мужали слова.
Осколками счастье порвали на части
и бросили в пропасть. А песня жива.
Вновь звонкие строки мне в сердце
стучатся,
на новую жизнь предъявляя права.
Они не погибли в огне казематов,
дотла не сгорели в хатынском огне.
Рожденные болью тревоги солдата
не стали землей в неживой тишине.
И все, что тревожило песню когда-то,
сегодня заснуть не позволило мне.

* * *

Разсекло горизонт
резким свистом свинца.
Ну, а мать будет ждать,
будет ждать до конца.
Каждый год поезд мчится
сквозь яви и сны —
едет мать на свидание с ним.
Едет мать. Для нее
он, как прежде, живой:
непослушный,
курносенький,
ласковый,
свой.
Память имя героя
посмертно хранит.
Материнской любви
не дано хоронить.
Пусть вчерашнего дня

забывается след,
сына юность и детство — нет.
День за днями она
все припомнит сейчас:
первый крик,
первый шаг,
первый слог,
каждый час.
Будто не было боли,
проклятья свинца.
Будет мать
сына ждать до конца.

* * *

Горсть земли — это очень мало.
Только горсть... Но ее хватало,
чтоб нести от мечты до боя
и в могилу забрать с собою.

* * *

Глохло небо само от грома,
задышалось в чаду огней.
Сколько мам на Земле огромной
пережили своих детей!
Это против земных порядков.
Сиротели огни домов,
появлялись седые прядки
после нескольких горьких слов.
Мать ждала. (Только б детям нашим
этих горестей не узнать!)
И не знала, как жить ей дальше,
когда некого стало ждать.
Горе матери. Сердце стынет.
Как смогла устоять она?
Своего обнимая сына,
проклиная тебя, война.

* * *

Невзначай веселый ветер
Семена на землю бросил,
Лишь одно пробилось к свету

Сквозь неласковую осень,
Сквозь суровые морозы,
Сквозь все беды и тревоги.
Вот и выросла береза
На пригорке у дороги.
Расплетал ей ветер косы,
Хоть об этом не просила,
Умывали утром росы,
А березонька грустила.
По весне над нею часто
До заката пели птицы.
Только разве это счастье,
Если не с кем поделиться?..

РОДНИК

Кто-то кружку оставил на камне,
Чтобы всех — и меня — угостить.
Но люблю я не кружкой — губами
Эту свежую струйку ловить.
Как бы жизнь ни ломала жестоко,
Можно горечи привкус забыть,
Если жадно приникнуть к истоку
И воды родниковой испить.

* * *

Колючих снегов развал,
ручьев беспокойный почерк...
И ветер меня позвал
в тревогу весенней ночи.
Весна и теперь, как встарь,
пробьет, чуть помедлив, точно
зеленым копьём листа
набухшую каплю почки.
Все так же. И все не так.
Знать, вьюги недаром пели.
И сердце стучит не в такт
веселым шагам капели.

* * *

Ночами мне кажется Лена другою,
не знаю, как это тебе объяснить.
А все оттого, что летят над тайгою
бессонные ночи, бездомные сны.

И в снах этих ветер листает страницы
кудрлатых туманов, летящих

над ней;

закат охраняет на небе границы,
огнем разделяя течение дней.

Нигде я не видела неба такого
и красок таких не встречала нигде.

Лучи, растопив ледяные оковы,

рисуют по небу, плывут по воде.

Все шире и выше под этой зарею —

река в океан превратиться

не прочь...

И так далеко-высоко над землею
бездонное небо в бессонную ночь.

* * *

Над сушей и над морем
и при любой погоде
рисуют в небе зори
художники-восходы.

Они находят краски
для каждого мгновенья
и дарят людям сказки
огня и вдохновенья.

Не требуя признанья
и не взимая платы,
всегда верны призванью
художники-закаты.

У мастеров бродячих
и краски беспокойны.
Спрошу у них, что значит
улыбка Джиоконды.

* * *

Ты хочешь знать, какого цвета море?
Попробую об этом рассказать...
Пока оно с самим собой не в ссоре,
не расшумелось, не вошло в азарт,

мне виделся спокойным, темно-синим
глубокий цвет медлительной волны,
а если ветер делал выдох сильный,
то черный цвет всплывал из глубины.
В рассветный час — зарею опаленной,
в полночный — отражающей Луну,
и желтой, и загадочно зеленой
я видела бегущую волну.
Нет, в каждом слове застывают звуки...
Скажу иначе. Но поймешь ли ты?
Есть море цвета месяцев разлуки
с оттенками несбывшейся мечты.
Ну что же ты в глазах улыбку прячешь?
Пытаюсь несравнимое сравнить?
Сегодня — так, а через день — иначе
могу о цвете моря говорить.
Оно — как жизнь. И нет в нем повторений.
И постоянства не было и нет.
Есть только непрерывный бег мгновений...
Но как сказать, какой у моря цвет?

* * *

Волны рядом, а я не верю:
по камням разве море бьет?
Это время стучит о берег —
так безжалостно строг отсчет.

Слишком долгой была разлука,
если встреча приносит боль.
Я забыла, какие звуки
сочиняет седой прибой.

Сосны высятся непреклонно,
не сгибаются на ветру.
И никак я со щек соленых
капли горечи не сотру.

* * *

На небе пусто ночью поздней,
стучится дождь ко мне в окно.
А я соскучилась по звездам,
я их не видела давно.

Когда купалась ночь в их свете,
я на земле искала путь.
Могла я звезды не заметить
и в небо даже не взглянуть.

Казалось мне, еще успею.
Все будет завтра, как вчера.
Земля все та же, но над нею
слепые бродят вечера.

Мне стало вдруг необходимо
звезду найти хотя б одну.
Но, как назло, все ветры мимо.
Туман опять прилип к окну.

* * *

Заря будила криком чаек, туман к реке
сползал с полей.
А кто сегодня отвечает за песни юности
моей?
Мы вместе пели их когда-то
у догоравшего костра.
Как песня памятью богата!
Друзья, нам встретиться пора.
Не сможет песня потеряться,
когда так много юных глаз,
она не будет повторяться,
она всегда, как в первый раз.
И мы ее припомним снова.
Пусть голоса уже не те,
но это песенное слово
хранится в прежней чистоте.

* * *

Сыну

Уже не день, еще не ночь —
закатное горенье.
И то, что мне уже невмочь,
тебе — еще не время.

Как близко радужный рассвет
к огням вечерней зорьки,
где близорукость юных лет
впадает в дальнорукость.

И можно сразу видеть суть,
обычай — в необычном.
Но не откроют новый путь
привыкшие к привычкам.

Узнав, как быстро в суете
теряет смысл движенье,
боюсь привыкнуть к простоте
вчерашнего решенья.

* * *

Мгновенья. Скажешь, слишком мало?
Им придаю значенье зря?
Но я, встречая их, узнала,
как разгорается заря,
как дождь шагает по настилу,
как чайки кружат над водой
и где находит сердце силу,
чтоб с новой справиться бедой.

ИВУШКИ

Было в Москве, а не в городе Энске.
Здесь, от гостиницы недалеко,
старые ивушки по-деревенски
ветви свои полоскали в реке.

Делали это по-бабьи привычно,
чуть наклонясь над проточной водой.
Радовал сердце пейзаж необычный
негородскою своей красотой.

Выросла за год из камня ограда,
стала виднее закатная даль.
Если таким переменам не рада,
значит, старею?

Мне ивушек жаль.

МЕТЕЛЬ

Она влетела без повестки,
без приглашенья гостей в дом
и позвала меня по-детски
в пушистый воздух за окном.
Туда, где мечутся, играя,
крупинки белого огня,
где возле старого сарая —
скамья, забывшая меня.
Метель гуляла над рекою,
а повстречавшийся чудак
ее почувствовал щекою
и улыбнулся... Просто так.

* * *

Зачем певучая капель
в декабрь ненастный постучала?
Ему по возрасту —
метель
и правил строгие начала.
В них для девчоночьих проказ
нет даже крохотного места.
Апрель,
кому поет сейчас
твоя веселая невеста?
Тому,
кто хоть на пару дней
зашел вперед
и был не понят?
Кому неясное видней,
тому, кто радостное помнит?
Себя к последним отнести
могу. Проверила годами —
минуты доброго пути
в дождях и вьюгах рядом с нами.

* * *

Ночь шагает по улицам гулким,
И опять от зари до зари
У дорог, у кривых переулков

Постовыми не спят фонари —
На углу или в старой аллее
Есть у каждого памятный, свой.
Он зажегся, и небо светлеет
Над неспящей ночью Москвой.

* * *

Картины нет, но есть набросок,
уменьше есть и нужный цвет,
но сразу тысячу вопросов
рождает найденный ответ.
Как победить сомнений штормы,
как не поверить в миражи?
Но нет к мечте дороги торной —
подъемы, спуски, виражи...
И оступленья и удачи —
все впереди. Но этот путь
заставит в мир смотреть иначе
и что-то в прошлом зачеркнуть.

* * *

Папе

Легкой жизни не искал он,
шел туда, где потрудней,
знал хорошую усталость
заработавшихся дней.

Он подсказывал ответы
даже тем, с кем незнаком.
И за это человека
называли чудаком.

Пышнотелая практичность
осуждала чудака —
мол, живет себе по-птичьи,
чтобы глянуть свысока.

И ждала, что он споткнется
о какой-нибудь рубец,
неудачей обожжется
и смирится наконец.

Неудача? Что ж, бывала,
он боролся с ней не раз!
Не годится в подпевалы,
кто на выдумку горазд.

Но с такого спрос построжее —
путь трудней у новых дел,
только что-то непохоже,
чтоб о прошлом он жалел.

Он спокойно жить не может.
Возраст? Пусть горит огнем!
Тот ровесников моложе,
кто не думает о нем.

У задач, что на примете,
все решенья нележки...
Хорошо, когда на свете
есть такие чудаки!

* * *

Пришел ко мне бродячий пес,
остановился у порога.
В глазах — застенчивый вопрос
и ожидания тревога:
«Как встретишь просьбу, человек?
Чего мне ждать, куска иль камня?»
Знакомый с разными руками,
он ждал, а в каждой мышце — бег.
Печально, что ни говори,
когда на страхе мир построен.
Рожденный с верностью в крови,
не знает, кто ее достоин.

* * *

Маме

Пока весна была мне впору,
повиновалась жизнь игре,
капельки звонко пели хором,
ручьи кипели во дворе.
Мне было весело-тревожно,
мне было празднично-легко,
и пустяком казалась сложность,

пока стояла далеко.
Теперь весенняя усталость
меня легко сбивает с ног.
Когда нет сил, волнует малость,
стыжусь я собственных тревог.
Вчера в окно мне крикнул ветер:
«Весна тебе не по плечу!»
Я поняла. Но все же с этим
я примириться не хочу.
Хочу с ней встретиться на равных
еще один разок хотя б.
И пусть потом считает раны
слезами смоченный октябрь.

* * *

Снова на яблоне первая завязь,
снова синицы встречают зарю.
Все повторяется, не повторяясь,
может, я просто иначе смотрю?
Может, с годами мне стало дороже
все, что глазами сумею поймать?
Трогаю ветви теперь осторожней,
чтобы нечаянно их не сломать.
Птичьи напевы звенят над садами,
молча смотрю на умелый полет.
Значит, понятней мне стала с годами
хрупкость всего, что живет и растет.
Я никого не спугнуть постаралась
и тишину не нарушила зря.
Все повторяется, не повторяясь,
а над рекой догорает заря...

* * *

Где созвучья сплетаются ловко,
где неясные звуки слышны,
до заката решила теньковка
что-то выковать из тишины.

В роце звон-перезвон раздается,
молоточек искусницы мал.
До чего же легко поддается
тишины благородный металл!

Очень просто творятся на свете
чудеса, что без всяких чудес.
Птичьих песен звенящие сети
укрывают проснувшийся лес.

Осторожно иду через робость,
словно полные ведра несучу.
Вдруг... транзистор на полную громкость...
Стало тихо и пусто в лесу.

* * *

Бледнеют октябрьские выси,
тепло на ветру хороня.
Спокойствию сердца и мысли
учить будут снова меня
полей отдыхающих праздность,
туманный дымок без огня
и эта холодная ясность
осеннего тихого дня.

* * *

Еще зеленеют леса за лугами,
кленовые листья
рекой не плывут,
да только грачи все кругами,
кругами
летают над полем,
в дорогу зовут.
Сегодня высокое небо такое,
что ясности хочется
больше всего,
и мысли о главном
лишают покоя.
А время...
Повысилась ценность его.
Да, ранняя осень —
опасное дело.
С ней вместе
приходит желанье успеть
все то, что вчера не смогла,
не сумела:
и думу додумать,
и песню допеть.

А утро так взглянет —
усталый проснется,
увидит — зарею туман унесло,
и ласковым стало
осеннее солнце.
Как дорого ценится это тепло...

* * *

Оттого, что звуки стали глуше,
все лесные чащи среди дня
распахнули собственные души,
где так много света и огня,
что стою растерянно, не зная,
как принять столь щедрые дары.
Тишина особая, лесная,
объясняет целые миры
шепотом. Как будто бы под вечер
мне одной рассказывает их.
Ничего, что каждый мир не вечен,
возникает множество других.
Как осины красятся, сгорая!
Как березы высветлил испуг!
Я иду, на память собирая
шорохи и шелесты вокруг.

* * *

Жизнь изменялась, изменяя
привычки дней и скорость лет...
Дорогой памяти шагая,
не понимаю твой ответ...

Живем однажды — это знаю.
Но мне другая мысль мила,
я с нею рядом понимаю,
что много жизней прожила.

И в каждой — было все особым,
все специально для нее:
то встречи с жаром и ознобом,
то отступления жнивье.

За лугом — лес, за степью — море,
за тишиною — ветер в грудь.
Живу, то радуясь, то споря,
и каждый день — как новый путь.

* * *

Все, что придумала осень,
красок восторженных пыл
ветер бездумно отбросил,
ливень старательно смыл.
Ночь не торопится в утро,
снегом играет зима...
Так себя чувствую, будто
я изменилась сама.
Будто опять заболела
робостью первых шагов.
Каждый увидит на белом
первую строчку следов.
Вот потому и заминка —
хочется выбрать верней.
Я начинаю тропинку,
кто-то доверится ей.

* * *

Так нерасчетливо — до крайности —
Дарила юность мир цветной,
Что задохнулась я от зависти,
Но не к другим — к себе самой.
Дарила ночи синезвездные,
Где сон кощунством был почти,
И околдовывала веснами,
Скрывая рытвины пути.
Со мной закат делился мудростью,
Мне обещала ночь зарю.
И я всегда за щедрость юности
Свою судьбу благодарю.

* * *

Бывает, согласитесь, что бывает —
есть мир желаний, он устроен так:
все ладно, но чего-то не хватает.
Пусть это будет истинный пустырь,
но он своей воспользуется властью

и спрячется в тумане иль в пыли.
А рядом — незамеченное счастье,
то самое, что ищется вдали.

* * *

Пустые дни, как бывшие колодцы —
вода из них ушла давным-давно.
И ненароком можно уколоться
о серое засохшее бревно.

Такие дни — ох, с ними б не встречаться! —
на пустоту согласья не дадут,
и суетою будет наполняться
крутящаяся мельница минут.

Когда пугает пустота в колодце,
я вспоминаю, что случилось мне
смотреть на торжествующее солнце,
купавшееся в лужице на дне.

* * *

Мы (это чаще жарким летом),
от городских забот устав,
стремимся к тишине рассветов
среди лесов, лугов и трав.
Конечно, дело непростое —
забыть о грохоте дорог.
На луговых цветах настоян,
веселый ветер валит с ног.
Опять спешу. Не лечит отпуск
привычку к спеху — века хворь.
Хочу успеть, пока есть пропуск
на вернисаж рассветных зорь,
на соловьиные концерты,
большую ярмарку грибов,
от неудач спросить рецепты
у леса, озера, лугов.
Да не забыть послать приветы
знакомым звездам и Луне.
Покой? Бродил он рядом где-то,
но не заглядывал ко мне.
Уже дожди стучат по крышам,
забыл о песнях птичий хор.
И я обрадуюсь, услышав
московских улиц разговор.

* * *

Мы с природою не на равных.
Годы мчатся, спеша вперед.
Я хочу, чтобы мой праправнук
видел быстрых стрижей полет,
чтобы летом веселый тополь
вспоминал белизну снегов,
чтобы правнук по лужам топал,
проверяя размах шагов,
чтобы ветры им так же пели,
чтобы падал рассвет в траву,
чтоб свистели для них метели...
А иначе — зачем живу?

ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА

Вот письма из окопов и траншей,
написаны жене, подруге, маме
в оглохшие минуты меж боями,
и нет свидетельств
проще и страшней.

Вновь память возвращается туда,
откуда очень трудно возвращаться,
и заново приходится прощаться
с оставшимися в прошлом навсегда.

И строчки писем с той поры звучат
во мне, в тебе, и сила им дается
приказывать тому, чье сердце бьется.
Но кто сказал, что мертвые молчат?

* * *

За тишиною родниковой,
где черный дрозд весну поет,
на счастье найденной подковой
над лугом радуга встает.
Такую взять нельзя в дорогу
своих невыдуманых лет.
Я, как и прежде, понемногу
в себя вбираю чистый свет.
Он сбережет меня от фальши,

лишь вспомню ласку этих дней,
где небо выше, дали дальше,
зато все близкое видней.

* * *

С той поры, как восходы лучатся
и рука знает смену погод,
выплаваются капельки счастья
из руды неизбежных невзгод.

Очень трудно такую расплавить,
но всегда не жалели труда,
чтобы светлую каплю добавить
и оставить другим навсегда.

* * *

Можно тихо писать о рассветах,
о лесах, не о бревнах в реке,
о взлетающих в небо ракетах
и не чувствовать дрожи в руке.

Но о Родине — или ни слова,
или так, чтобы гордость и боль
без ошибки попала в любого
и на миг задохнулся любовью.

Ведь земля нам досталась такая —
не из сказки, зато из мечты, —
что увидеть от края до края
можно только с большой высоты.

Нам ошибок враги не прощали.
И горячие звезды Кремля
под Москвою отцы защищали.
Всех солдат своих помнит земля.

Сберегли. Можно петь о рассветах,
можно волю фантазии дать
и мечтать о далеких планетах
и, спокойно любя, не страдать.

Но в любви не бывало такого,
у нее и на боль есть права.
И о Родине лучше ни слова,
если слишком спокойны слова.

* * *

Благодарю свое волнение,
с каким смотрела на зарю.
Есть в каждом дне свое мгновение,
я за него благодарю.
Ведь жизнь умеет откровенно
весной надеждами ссужать,
потом гасить их постепенно
и круг доступного сужать,
и намечать его границы
по силам или по уму.
Но с этим трудно примириться,
и, может быть, лишь потому
все чаще память возвращает
туда, где радости одни.
И каждый день в себе вмещает
все забывшиеся дни.

* * *

Лежу в траве, смотрю на синеву:
у облаков замедленность движений.
Мне кажется, что с ними я плыву
дорогой бесконечных продолжений
с туманных зорь до синих вечеров.
Начнут зарницы, выросшие немо,
на горизонте вспарывать покров
спокойно вечеряющего неба,
ну, а сейчас такая синева!
Да только не хватает мне чего-то.
Наверно, закружилась голова
от ощущения легкости полета.

* * *

Пишу, а главной строчки нет,
той самой, для какой
я на крутой дороге лет
забыла свой покой.

Она всегда приходит вдруг,
все лишнее гоня,
и, замыкая мыслей круг,
вселяется в меня.
Не откажусь, не прогоню
и не уберегусь.
Притронусь к жаркому огню —
и снова обожгусь.

ОСЕНЬ

Ей дожди и туманы прощаю,
а с октябрьским задумчивым днем
я такое родство ощущаю,
будто мы с ним решаем вдвоем
желтым отсветом красить дороги,
о потерянном вскользь говорить
и, тепла не спросив на пороге,
красоту на прощанье дарить.
Обнажит, словно в небо забросит
опустевшие гнезда грачей,
и расплатится золотом просек
за спокойную звездность ночей
этот месяц особенно щедро.
Чтобы слово привета поймать,
буду слушать мелодию ветра
и морзянку дождя принимать.

* * *

Когда разгадала я дней ускоренье,
когда испытало меня на излом,
пришлось убедиться:
всегда промедленья
опасно. Нельзя оставлять на потом
то слово, которое
в пляске рассвета
зажглось и меня опалило огнем,
те мысли, где трудный вопрос
без ответа
вставал, вырастая на месте своем.
На час отложу их, на день отодвину —
возьмут и сгорят на закатном огне,
а то превратятся в такую лавину,
что новые вряд ли
пробьются ко мне.

* * *

Заветный ключ нашла в реке,
где бьют ключи со дна.
Светло и холодно руке,
а сердцу даль ясна,
ясна, как давняя вина,
как ночи тишина,
что всех иллюзий лишена,
как жизнь и смерть ясна.
Отсюда родом та любовь,
с которой нелегко,
она приносит гнев и боль,
и все в ней велико.
Так велико, что целиком
вместились ночь и день,
и ни о чем, и ни о ком
печалиться не лень.

* * *

Я не умею жить без веры.
Во что? В сегодняшний ручей
и в то, что летний день без меры
одарит ласкою лучей.
Он все кругом умоет ливнем,
осыплет чистою росой.
И станет вновь, как в детстве, длинным
проселок, поутру босой.
Я верю доброму рассвету,
ночному звездному шатру,
я верю теплому привету,
что не погаснет на ветру
в холодной пасмури осенней,
когда и встречи на бегу.
И, может быть, мое спасенье
в том, что не верить не могу.

ПЕСНЯ

Не понимаю, что творится.
Легко смеяться и грустить,

как будто пойманную птицу
могу на волю отпустить.

Ведь у нее судьба иная.
И, надо мною сделав круг,
она взлетит, не вспоминая
тепло моих несмелых рук.

Но на какое-то мгновенье
я с нею рядом полечу,
за надоевшее терпенье
в подарок небо получу.

Есть у нее такая сила,
как два распахнутых крыла.
Не я летать ее учила,
я только волю ей дала.

* * *

Столько звуков понятных и странных,
отраженных от каждой стены,
что от них постепенно устану
и захочется мне тишины.
В ней все рядом: и дали и выси,
где играет заря над рекой.
Но порою от собственных мыслей
в тишине растеряться легко.
Словно лампу сменили на свечи —
спотыкаюсь, иду не спеша
по нехоженным противоречьям
под сумятицу звона в ушах.
Нужно время, чтоб с ней подружиться,
или — спутника, с кем помолчать.
Лишь тогда в дневниковых страницах
можно лишнего не замечать.

* * *

Я не люблю, когда молчат часы.
Но стрелки, увлеченные движеньем,
споткнулись у какой-то полосы,

застыли окончательным решением.
Я так часам привыкла доверять,
что каждый день себя по ним сверяю.
Чтоб к сроку все, что нужно, успевать,
за стрелками по времени шагаю.
Отстанут — и с оглядкой назад
начну искать потерянное ныне.
Коль не точны, так лучше пусть спешат,
и я, как заведенная, — за ними.

* * *

Дождь из капель строит фразу
и стучится к нам в окно.
Может, все сказал бы сразу,
да уменя не дано.
Надоедливый соседом
он заходит каждый час
и опять ведет беседу
для себя, а не для нас.
Он страницы дней листает —
не поймешь, где явь, где сны —
и открыткями считает
капли истин прописных.
Замолчал бы! Но куда там...
Пухнут лужи на траве,
ветер серые заплаты
пришивает к синеве.
Но, быть может, капель точность
учит нас уметь в пути
в нужный миг поставить точку
или вовремя уйти!

* * *

Расплавленное золото зари
сливается по крышам, остывая,
и сразу же бледнеет мостовая
и ждет, когда зажгутся фонари.
Летающий от невидимого свет
прозрачностью
все улицы заполнил,

о чем-то неслучившемся
напомнил,
и стал видней
потерянного след.
У сумерек —
таинственная власть.
Не потому ль,
что между тьмой и светом
они стоят вопросом и ответом
и можно к ним
случайно в плен попасть.
Их красота заманчивым полна,
как первое недетское желанье.
Меж облаками,
будто на свиданье,
скользнула побледневшая луна.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

«Весна сквозь тучи ломится...»	3
«Неспетые песни...»	3
«Слова, слова...»	4
«Когда осуществляется мечта...»	4
«Есть выходной от дела и безделья...»	5
«Быстро тропинка сползает в овраги...»	5
«Звезды — вечный огонь...»	5
«Один человек научился летать...»	6
«Писали о жизни...»	7
«Рассекло горизонт...»	7
«Горсть земли...»	8
«Глохло небо само от грома...»	8
«Невзначай веселый ветер...»	8
Родник	9
«Ключих снегов развал...»	9
«Ночами мне кажется Лена другою...»	9
«Над сушей и над морем...»	10
«Ты хочешь знать...»	10
«Волны рядом...»	11
«На небе пусто ночью поздней...»	11
«Заря будила криком чаек...»	12
«Уже не день...»	12
«Мгновенья...»	13
Ивушки	13
Метель	14
«Зачем певучая капель...»	14
«Ночь шагает по улицам гулким...»	14

«Картины нет...»	15
«Легкой жизни не искал он...»	15
«Пришел ко мне бродячий пес...»	16
«Пока весна была мне впору...»	16
«Снова на яблоне первая завязь...»	17
«Где созвучья сплетаются ловко...»	17
«Бледнеют октябрьские выси...»	18
«Еще зеленеют леса за лугами...»	18
«Оттого, что звуки стали глуше...»	19
«Жизнь изменялась...»	19
«Все, что придумала осень...»	20
«Так нерасчетливо...»	20
«Бывает, согласитесь...»	20
«Пустые дни, как бывшие колодцы...»	21
«Мы (это чаще жарким летом)...»	21
«Мы с природою не на равных...»	22
Фронтные письма	22
«За тихую родниковой...»	22
«С той поры, как восходы лучатся...»	23
«Можно тихо писать о рассветах...»	23
«Благодарю свое волнение...»	24
«Лежу в траве, смотрю на синеву...»	24
«Пишу, а главной строчки нет...»	24
Осень	25
«Когда разгадала я дней ускоренье...»	25
«Заветный ключ нашла в реке...»	26
«Я не умею жить без веры...»	26
Песня	26
«Столько звуков понятных и странных...»	27
«Я не люблю, когда молчат часы...»	27
«Дождь из капель строит фразу...»	28
«Расплавленное золото зари...»	28

Ирина Юльевна Панова
БЕСПОКОЙНОЕ СЧАСТЬЕ

Редактор Е. А. Антошкин

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 07.12.82. Подписано к печати
14.03.83. А 00641. Формат 70×108^{1/32}.
Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд.
л. 1,47. Тираж 100 000 экз. Изд. № 613.
Заказ № 3587. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской
Революции типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина. 125865. ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

ВАМ, ФОТОЛЮБИТЕЛИ!

На улице и дома,
в путешествиях, в гостях —
повсюду с нами фотоаппарат.
Выбрать экспозицию,
нажать кнопку затвора —
минутное дело.

Потом...

Потом, бывает, накапливаются
непроявленные пленки.

**ФОТОЛЮБИТЕЛЯМ ПОМОЖЕТ
СЛУЖБА БЫТА.**

В фотолаборатории проявят
цветную и черно-белую пленку,
сделают необходимое количество
отпечатков.

Росбытреклама